

A HIDEO KOJIMA GAME

DEATH
STRANDING™

DIRECTOR'S CUT

ЧАСТЬ 1

ПЕРВЫЕ СЛЕДЫ
НА ПЕСКЕ

настя налич

18+

Настя Налич

Death Stranding: Часть 1.

Первые следы на песке

<https://litres.ru/74377889>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, разрушенном катастрофой, где время может течь иначе, а смерть стала частью ландшафта, двое незнакомцев обречены на встречу. Она – курьер с тяжёлым прошлым и грузом ответственности. Он – странник, хранящий тёмные тайны. Их пути пересекаются там, где реальность трещит по швам, а грань между жизнью и смертью размыта.

Некроз. Смола. Выход Смерти. ДУМ.

Добро пожаловать в мир «Death Stranding» Хидео Кодзимы.

И не забудьте взять зонт — ведь по прогнозу в районе ожидается темпоральный дождь.

Настя Налич

Death Stranding: Часть 1.

Первые следы на песке

Часть I. Первые следы на песке

Глава 1.

Предательски настойчивый сигнал входящего звонка на *одрадек* застал Тэсс в самом начале долгожданного отпуска.

На днях она покинула Высотный Узел, чтобы навестить подругу — научную сотрудницу «Бриджес», ведущую исследования атмосферы в горах.

Безусловно, такая форма отдыха могла показаться специфичной: нацепить тяжёлую экипировку, обвеситься снаряжением. Тащиться. Карабкаться. А иногда и ползти — в такую даль, да ещё и рискуя жизнью.

Тем не менее именно этого она и желала больше всего — наконец, выкроив время, побыть с близким человеком наедине. На краю света.

И вот теперь её, ещё толком не успевшую отойти от восхождения, неожиданно и настойчиво срывали с места.

На высоте, из-за высокой концентрации *хиральных облаков*, привычная связь была нестабильной. Голограмма, проецируемая *одрадеком* рябила, искажалась — а контакт то и дело прерывался.

В конце концов, оператор окончательно отключился, но всё-таки передал данные о задании: в нескольких милях от координат Тэсс разыгралась темпоральная буря, а в ней терпят бедствие два курьера.

Не секрет, что погода в горном регионе отличалась турбулентностью и непредсказуемостью. Прогноз менялся каждые несколько часов, бросая вызов любому, кто сунется в эти места.

Та агрессивная среда, загнавшая трусливое человечество глубоко под землю, не прощала ошибок.

Будь то профессиональный курьер, напичканный высокотехнологичным оборудованием, или хорошо вооружённый сепаратист с сомнительным прошлым, скрывающийся от закона, да хоть очередной выживальщик, привыкший к лишениям и суровым условиям — **стихия** заставляла их врасплох, смеясь и играючи забирая жизни, стирая из истории имена и лица.

Тэсс знала эти бури не понаслышке. Всё её детство и юность прошли в местах, где погодные аномалии не были в диковинку.

Учёные отчаянно бились над составом темпоральных осадков, безуспешно пытаясь понять их природу и суть. Даже самая малая капля, попадая на незащищённую кожу, старела и разрушала её — необъяснимо ускоряя время и сокращая срок жизни. Под этими осадками быстрее разрушались

металл, стекло и даже камень. Что уж говорить о хрупком человеческом теле.

В наше время жители Узлов не выходят наружу — даже если небо лишь слегка моросит. Лишь в кошмарных снах им видится жизнь под открытым небом — в постоянной опасности.

Несмотря на это, на поверхности ещё остались люди, добровольно выбравшие путь встречи с новыми условиями жизни лицом к лицу, а не бегство от них. Такими были родители Тэсс — выживальщики.

Будучи выживальщицей по происхождению и курьером по призванию, Тэсс отдавала себе отчёт: в подобных метеоусловиях травмированный или дезориентированный человек без запасов воды, пищи и энергии долго не протянет.

Но ставки уже были сделаны — на кону оказались жизни двух несчастных, оказавшихся в снежной ловушке.

Она понимала — медлить было нельзя.

Несмотря на молодой возраст, за плечами Тэсс, помимо рюкзака, имелся багаж из задач разной сложности — в том числе спасательных операций.

Опыт подсказывал — стандартную укладку курьерского рюкзака придётся расширить: дополнить специальными устройствами, снаряжением и медикаментами.

К счастью, убежище подруги было хорошо укомплектовано.

Как только всё необходимое было собрано — пришло время выступать в путь. И, вместе с тем — прощаться.

Прощание прошло наспех. Неловко. Даже нелепо.

Впрочем, как и всегда — без слов, без напутствий, лишь короткие объятия и шаг за порог.

Всё в ней сопротивлялось этому моменту.

Не потому, что не хотела уходить. Потому что не умела прощаться.

Жизнь на грани, в постоянном движении, в одиночных маршрутах — сделала её характер жёстким, даже негибким. Она научилась не привязываться: ни к местам, ни, тем более, к людям.

Где привязанность — там уязвимость.

Порой она даже твердила себе: *«Мне это не нужно. Есть маршрут, есть груз — и тот, кто его ждёт. Этого достаточно».*

Это была ложь.

Да. Характер был твёрдый, словно камень. Но душа... душа оставалась ранимой — хрупкой, словно стекло.

И если кто-то всё же пробивался сквозь её броню — если она позволяла себе впустить — терять такого человека становилось невыносимо.

«Расставание — это маленькая смерть».

Вот почему она ненавидела прощания.

Но первый шаг за порог уже был сделан.

И она решительно выдвинулась в путь к цели — аварий-

ному маячку, засечённому системами «Бриджес» и нанесённому на карту её одрадека.

Буря оказалась нешуточной — одной из сильнейших на памяти Тэсс.

Только спустившись на седловину, она осознала в какое рискованное дело ввязалась — границы циклона легко было видно невооружённым взглядом: настолько плотной была снежная метель.

Ощущение триумфа после удачного спуска быстро сменилось нарастающим чувством тревоги. Сказывались усталость и гипоксия — тело ломило, отчаянно требуя отдыха или хотя бы передышки.

Тэсс смотрела, как вдали всё плотнее закручиваются вихри, образуя непроглядную стену из темпорального снега. Из-за мельчайших частиц хиралия, насыщающих атмосферу, снег искрился, приобретая необычное тёплое свечение. Такой красивый и такой опасный.

Именно туда — сквозь белую стену, в самый эпицентр шторма — лежал её путь.

Было бы несправедливо считать, что перед лицом столь могучей стихии, даже у опытного курьера не оставалось ни тени сомнений.

«Дойду? Смогу? Вернусь ли...»

По правде говоря, она даже не была уверена, что ищет людей — а не трупы. Рискую присоединиться к последним.

Некроз.

В эпоху после катаклизма человечеству пришлось столкнуться с угрозами разного характера — не только темпоральными осадками. Всё изменилось. Словно смешалось. Сама среда обитания стала другой — аномальной. Всё живое либо адаптировалось — либо вымерло. Но изменилась и сама смерть.

Если тело не кремировать в первые 48 часов, начинался некроз — необратимый процесс разрушения, необъяснимым образом провоцирующий мощный взрыв.

Яркая вспышка — и на месте оставалась лишь выжженная земля и огромный чёрный кратер.

Прошло уже больше суток с того момента, как был получен сигнал бедствия. Пропавшие курьеры могут уже быть мертвы — или вот-вот погибнут. Но пока маячок издавал свой тревожный писк — оставалась надежда.

Внутри воронки циклона видимость была нулевая. Не спасало даже специальное покрытие линз. Снежная крошка била в лицо с такой силой, что казалось маска не выдержит и вскоре лопнет.

Ноги то и дело проваливались в сугробы по самое бедро. Ветер с чудовищной силой толкал то в спину, то в грудь. Его звериный вой врывался в уши, сквозь слои защитной одежды, вселяя ужас и сковывая душу.

Холод пробирал до костей — кончики пальцев уже стали

неметь и покалывать.

Внутреннее напряжение росло. Отравленной иглой страх и отчаяние проткнули грудь, впуская в кровь яд, быстро распространяющийся по телу.

Но отступить было поздно.

Пользоваться одрадеком стало невозможно. При такой скорости ветра любой порыв вырвал бы сканер с корнем из креплений и раздавил, словно ненужную игрушку.

Единственный ориентир, что остался в этом всепоглощающем циклоне — сигнал приближения к цели. Тревожная трель аварийного маячка становилась всё громче и обнадеживающе ближе.

Она упорно следовала за ним, словно крохотная лодка сквозь девятибалльный шторм, пока не уткнулась носом в скалу.

Снег продолжал сыпать не переставая, образуя огромные снежные заносы, в которых тонула серая шершавая поверхность горы.

Сигнал исходил откуда-то отсюда.

В непонимании озираясь, Тэсс бродила вдоль каменной стены, пока не заметила небольшое углубление в снегу — пещеру.

Не без труда пробравшись внутрь, она не сразу смогла отдышаться.

Приятное тёплое чувство облегчения наполнило сердце, но быстро было накрыто новой волной усталости, на грани

изнеможения.

В пещере царил густой полумрак, сквозящий холод и мертвенная тишина.

Постепенно глаза привыкли к недостатку освещения, и Тэсс, наконец, заметила в нескольких шагах от себя неподвижную фигуру человека, лежащего лицом к низу.

Сердце тут же ушло в пятки.

«Опоздала».

На ставших ватными ногах Тэсс как можно быстрее подошла к телу на полу и резким движением перевернула его на спину.

«Жив!»

Потрескавшиеся от жажды губы были мертвецки бледными, но не синими. Глаза — закрыты.

Тэсс трясущимися руками стянула перчатки и приложила ладони к колючим от щетины щекам мужчины: они были едва тёплыми, но живыми.

Похлопав его по лицу, стала быстро растирать ему уши. Не сразу, но он начал приходить в сознание.

— П... пить, — сипло проговорил мужчина и сильно закашлялся.

Она помогла ему приподняться и опереться спиной о стену.

«Крупный. Выше меня на голову. Если не сможет идти — он не жилец».

— Есть травмы или переломы? — настороженно спросила

Тэсс, одновременно открывая рюкзак и доставая флягу.

Мужчина отрицательно покачал головой. Она дала ему питьё, мягко придерживая флягу рукой. Сделав первые жадные глотки, он слабо, едва заметно улыбнулся.

— Пей маленькими глотками, — предупредила Тэсс, — А то тебя... — не успела она договорить, как мужчину обильно вырвало.

Тэсс тихо выругалась про себя.

Не снимая респиратор и маску, она включила фонарь. Тусклый жёлтый свет осветил пространство, заставив мужчину невольно поморщиться.

Продолжая оказывать помощь, Тэсс отстегнула согревающие термоблоки от костюма. Один положила ему под ноги — второй на живот.

— Обними его, чтобы согреться, — иначе медсканер не сможет попасть в вену, — сказала она.

Мужчина послушно кивнул.

Взяв тёплый блок в руки, он крепко прижал его к груди, будто ребёнок — мягкую игрушку. В этот момент он выглядел невероятно уязвимым.

Тэсс достала из рюкзака небольшой прибор в форме браслета — медсканер, чудо современной инженерии. Он мог анализировать состояние, определять степень хиральной интоксикации, делать инъекции — в общем, проще было перечислить, чего он **не умеет**.

Издав тихое механическое стрекотание, сканер крепко об-

хватил запястье левой руки мужчины, подстраиваясь под его размер.

Пока производились измерения, Тэсс исподтишка и с любопытством рассматривала человека перед собой.

Вероятно, они были сверстниками. Молодое, хоть и измождённое лицо, вне зависимости от обстоятельств, казалось привлекательным. Черты — строгие, но утончённые, как у философа или поэта. Ясные, кажется, светло-серые или голубые глаза, вопреки усталости и истощению, ярко блестели в полумраке пещеры.

Настойчивость и воля к жизни — вот что отражалось в них в свете фонаря.

Неизвестно, что ему пришлось пережить, — очевидно, он ещё не готов был сдаваться.

— Ты здесь один? — аккуратно уточнила Тэсс, оглядываясь вокруг.

Согласно данным «Бриджес», в зоне темпоральной бури оказались в ловушке два курьера. Но аварийный сигнал поступил лишь от одного из них.

— Он... — мужчина сглотнул образовавшийся в горле комок, — погиб, — с трудом выдавил он из себя.

Ритм её сердца тревожно ускорился.

— Давно? Где? — более резко, чем рассчитывала, спросила она.

Его начало потряхивать. Всё тело содрогалось, словно от сильного холода. На лбу выступил холодный, липкий пот.

Вероятно, он всё ещё находился в состоянии шока, а расспросы запустили новую волну переживаний.

— Не достанет досюда, — стиснув челюсти, чтобы зубы не стучали друг о друга, совсем тихо сказал он.

Это был очень короткий, но совершенно понятный ответ.

— Сочувствую, — тяжело вздохнула Тэсс.

Внутри неприятно зашевелилось. Ей хорошо было знакомо чувство утраты. И в нём — отчаяние, беспомощность и всеобъемлющее чувство вины.

Боль от потери — самая верная спутница — шла рука об руку с ней всю жизнь.

— Не стоит себя винить, — не найдя других слов, выговорила она. — Это... просто случается.

Мужчина согласно кивнул — чисто механически — и отвернулся. В его горле было по-прежнему сухо, словно в пустыне. Дрожь всё не унималась. Влажные от пота волосы облепили напряжённое, хмурое лицо. В уголках глаз что-то предательски заблестело.

Слёзы.

Безусловно они могли быть следствием хиральной аллергии, часто встречающейся среди курьеров. И только обстоятельства могли свидетельствовать об иной причине его слёз.

Повисло неловкое молчание, нарушаемое лишь звуком медсканера, производящего свои измерения. С досадой Тэсс отметила, что ей никогда не удаётся подобрать подходящие слова в нужный момент.

Тяжёлые времена воспитывают суровых людей.

Флегматичная, порой даже угрюмая — глубоко внутри себя она всегда оставалась столь же истово сопереживающей людям, столь же плохо умевшей это выражать.

— Я сделаю тебе инъекцию «умных лекарств», хорошо? Они быстро ставят на ноги, — успокаивающе, почти ласково сказала она. — Для начала — стимулятор регенерации.

Не поворачивая головы, мужчина снова коротко кивнул. Взглянув на данные на экране медсканера, Тэсс покачала головой:

— И синт-окситоцин, — добавила она, — у тебя сильное хиральное отравление.

Тэсс наконец сняла респиратор и маску и сделала большой глубокий вдох и затем выдох. Воздух в пещере был сырым и затхлым. Но дышать свободно, полной грудью, было всё равно приятно.

Выбившиеся из короткого хвоста на затылке волосы упали на лицо.

Машинальным движением убирая пряди за уши, она размяла шею несколькими поворотами головы из стороны в сторону. В ушах зазвенело.

Хиральное отравление.

И без медсканера она уже обнаружила у себя первые его признаки. Недосып, гипоксия, усталость и стресс — только множились под воздействием токсичного вещества, вытягивая из неё остатки сил. Между тем заботу о себе пришлось

отложить — сначала надо было помочь курьеру.

К этому моменту мужчина достаточно согрелся, чтобы прибор смог обнаружить подходящую вену и начать инфузию. От Тэсс требовались лишь подключить к магистрали ампулу и задать нужную дозировку.

Надо отдать должное фармацевтике нового поколения: «умные лекарства», разработанные за последние десятилетия, могли и правда эффективно и, главное, быстро поставить человека на ноги даже в крайне тяжёлом состоянии.

Спустя некоторое время Тэсс с облегчением заметила, как щёки и губы мужчины начали снова приобретать естественный розовый оттенок.

Его дыхание стало ровным, а сознание — более ясным. Тело всё ещё изредка вздрагивало, но шок постепенно сходил на нет. Теперь он не отворачивался, а наоборот, внимательно вглядывался в её лицо.

Прочистив горло от скопившейся мокроты, он заговорил: — Я думал, умру тут от жажды, — признался он и криво усмехнулся. — Был готов начать есть этот проклятый снег... Так хотя бы всё закончилось быстро.

Тэсс раньше не задумывалась всерьёз о том, что будет, если принять внутрь темпоральную влагу.

Природа этой жидкости была загадочна, сверхъестественна и не поддавалась известным законам химии.

Известно точно было лишь то, что она каким-то образом неизменно влияла на ускорение течения времени для всего,

чего она касалась, — и этот процесс был разрушительным и необратимым.

— Я всё думал, — с горькой усмешкой продолжил курьер, — если меня и найдут, то кто это будет? Кто этот отчаянный сотрудник «Бриджес», готовый сунуться в это место ради такого пропадающего дурака, как я...

Продолжая сверлить её взглядом, он слегка вымученно, но в то же время обаятельно улыбнулся.

Неожиданно для себя она смутилась:

— Эм...

— Питер, — мужчина приветственно протянул к ней всё ещё слабую руку. — Питер Инглерт.

— Тэсс Лайн, — ответила она, протягивая свою.

Они немного неловко обменялись рукопожатием.

В воздухе что-то витало.

Какая-то странная, необъяснимая связь начала зарождаться в этой пещере.

В карьере Тэсс уже имелась пара официальных спасательных операций. Кроме того, можно было сбиться со счёта, скольким людям она оказывала помощь на поверхности. Это было чем-то вроде рутины.

Но в этот раз что-то неуловимо изменилось.

Истощённый организм Питера охотно принимал спасительную поддержку, но он был всё ещё очень слаб и выглядел плохо. Его то рвало непонятной жидкостью, то он мучи-

тельно кашлял, отхаркивая густую мокроту в рукав.

В конце концов Тэсс решила дать ему седативное.

— Тебе необходимо поспать, — сказала она, подключая к медсканеру ампулу со снотворным.

Игла сделала очередной прокол, и жидкость стремительно ворвалась в кровоток.

Ей показалось, что он хочет что-то сказать, но коварно заплетающийся под воздействием препарата язык быстро сделал его речь неразборчивой. В какой-то момент он просто отключился, провалившись в глубокий сон без сновидений.

Тэсс выдохнула и ещё раз устало огляделась вокруг. Только голые каменные стены и пол.

Судя по всему, почти всё его снаряжение было утрачено в попытке спастись от бури. Рюкзака не было — только поодаль лежала треснувшая маска, а на плече молчаливо покоился нерабочий оградок.

Достав свой спальный мешок, она наклонилась ниже, чтобы укрыть спящего мужчину.

Взгляд скользнул по лицу совсем близко.

Только сейчас она заметила, что оно испачкано чем-то чёрным.

Осторожно коснувшись небольшого пятна на его щеке, она вдруг ощутила на пальцах тёплое, липкое, тянущееся вещество.

Сердце тотчас рухнуло куда-то вниз.

«Неужели это?.. Нет. Не может быть».

Мало кто из людей встречал это вещество в живую. Ощущал его своей кожей, чувствовал его запах или это неприятное вязкое тепло.

Смола.

Своеобразный «привет с той стороны».

Тягучая, маслянистая субстанция, поднимающаяся откуда-то из глубин и поглощающая окружающую поверхность. Она напоминала чёрное и липкое сверхъестественное болото.

Смоляные болота могли появляться в местах, где человек сталкивался с ещё одной угрозой новой эры — с **Тварью**: существом из потустороннего мира, не живым, и не мёртвым. Люди мало знали о них: лишь то, что впервые они появились после Выхода Смерти и теперь полноправно делили с людьми эту планету.

Два мира столкнулись, но остались всё так же чужды друг другу. Если человек вступал в контакт с Тварью, пространство неизбежно взрывалось, как при некрозе, и уничтожало всё живое вокруг. Взрыв, кратер и смоляное болото. *Выплеск Пустоты* — так называли этот феномен. Ни один человек не способен пережить его.

Сердце Тэсс продолжало гулко стучать в груди.

Она задумчиво растёрла в пальцах остатки вещества, взятого со щеки Питера.

«Выходит, он побывал в месте, где недавно случился Выплеск? Ведь не мог он вызвать его и выжить».

По телу забежали мурашки.

«А его Напарник? Их было двое. Что случилось с ним?»

Густая смесь из тревоги и болезненного любопытства охватила её. Она жадно вглядывалась в безмятежные черты спящего мужчины, в попытках осмыслить свои открытия.

Глава 2.

Шёл, кажется, пятый или шестой год, как они с отцом покинули своё затерянное в горах убежище, некогда служившее им домом.

Это было слишком скоро, слишком поспешно для девочки, только что потерявшей мать. Ведь с первого крика новорождённой дочери и до последнего вдоха матери — они были неразлучны.

Родители Тэсс были из тех немногих людей, жизнь которых не так уж и сильно изменилась после катаклизма.

До первого **Выхода Смерти**, унёсшего миллионы жизней, оба работали в геохимической лаборатории и мало времени проводили дома. Катаклизм застал их в очередной экспедиции. Они были молоды. И им повезло выжить.

Мир изменился. Планета покрылась огромными кратерами, словно швейцарский сыр. Исчезли города, исчезли границы и государства. Сначала был хаос. Но со временем шок прошёл, и человечество взялось рьяно восстанавливать всё, что было утрачено. В новых условиях.

Города превратились в бункеры, но родители Тэсс уже не захотели в них возвращаться.

Отрезав себя от цивилизации, они выбрали жизнь в суровых условиях — но с непередаваемым чувством свободы. Отец стал независимым курьером — его, как и когда-то, почти не бывало дома. А мать посвятила всё своё время изучению **хиралия** — нового таинственного элемента, впервые открытого учёными после катаклизма.

Словно одержимая, она охотилась за образцами — рискуя жизнью, проводя кучу времени в заражённых зонах. Даже во время беременности, вопреки возражениям мужа, она не остановила своих изысканий. Она продолжила их и после родов.

В конце концов эта фанатичность сыграла дурную шутку — и с ней, и с членами её семьи.

Острая хиральная интоксикация — терминальная стадия.

Лихорадка. Бред. Видения.

Сердечная недостаточность.

Смерть.

Каких-то трое-четверо суток — столько прошло с момента возникновения симптомов и до последнего хриплого вдоха. Ничтожное время, выделенное ребёнку для осознания и принятия неизбежности перемен.

Они были неразлучны. Мать и дочь. Такая нерушимая идиллия — такая сокрушительная утрата.

Тэсс было больно и страшно, но отец тянул за руку — не хотел оставаться в этом опустевшем гнезде ни минутой дольше необходимого.

И шаг за воображаемые ворота был сделан. А за ним и второй, третий, а затем ещё тысячи и тысячи шагов вперёд — без оглядки.

Курьер никогда не должен останавливаться — так говорил отец.

Остановишься — и где-то умрёт человек, недожавшись лекарства.

Остановишься — и станешь лёгкой мишенью для бандитов.

Остановишься — и не успеешь опомниться, как окажешься бесполезен.

Остановишься — и сгинешь, исчезнешь, будешь предан забвению.

И они шли. Вдвоём — от заказа к заказу, редко делая перерывы.

Вот и теперь, спустя несколько лет, они всё также были в пути. Доставляли партию припасов и медикаментов группе выживальщиков, поселившихся вблизи лесного озера.

Заказ был стандартным: несколько металлических кейсов малого и среднего размеров, а маршрут лежал через перевал и смешанный лес.

Лето было в самом разгаре: дни стояли жаркие, знойные.

Шли налегке, оставив большую часть снаряжения в ячейке на одной из баз «Бриджес» — правительственной компании, контролирующей этот регион.

Для своих неполных пятнадцати лет Тэсс была необычайно крепкой и выносливой девочкой. Мускулистое, ещё как следует не тронутое гормональной перестройкой тело бодро вышагивало по каменистой тропе, стелющейся тонкой змейкой куда-то за горизонт.

Тугая шнуровка новых ботинок надёжно фиксировала стопы, защищая от вывихов. Последняя модель — лёгкие и прочные. Если бы ни одно «но». Ботинки нещадно натирали.

С досадой Тэсс подумала, что кровавых мозолей ей не избежать. А ведь отец предупреждал: в долгий поход — бери только проверенную обувь.

В последнее время юную девушку особенно раздражали замечания: не надевай новые ботинки, не иди слишком быстро, не трать воду, не болтай.

Напряжение в отношениях росло, а настроение, и так в силу возраста, стало турбулентным. А тут ещё эта бесконечно тянущаяся тропа.

Солнце — в зените.

Мелкие горошины пота проступали на лбу, а затем, друг за другом словно наперегонки, скатывались то к глазам, то к уголкам губ.

Кожа на ступнях Тэсс теряла целостность — и вместе с тем — терялись остатки её терпения.

— Пап, а можно мне воспользоваться одрадеком? — Поначалу ушедшая вперёд, теперь она сбавила шаг и поравнялась с отцом.

Своего устройства для навигации, естественно, у неё пока не было, но в редких случаях отец разрешал ей использовать свой — чтобы немного попрактиковаться.

— Зачем? — невозмутимо возразил отец, не сбавляя шага. — Тропу отлично видно.

Казалось, этот угрюмый седовласый мужчина даже не запыхался — несмотря на то, что тропа давно неуклонно ползла вверх.

Лишь на первый взгляд маршрут мог показаться простым. Но такие длинные, витиеватые дороги требовали терпения и выносливости.

Единственный проверенный путь через перевал петлял между кустарниками, камнями и деревьями, обходя стороной резкие подъёмы и опасные спуски.

Любое отклонение от тропы сулило неприятности: непредвиденные остановки, порча или потеря груза, травмы — даже смерть.

Это было очевидно для опытного старика-курьера: риск почти никогда не оправдывался — и ещё реже окупался.

У него давно не было ни иллюзий, ни тех дерзких юношеских амбиций, которых с лихвой хватало у дочери. В этом возрасте ей было не занимать храбрости и энтузиазма.

А вот терпение — такое важное качество для принятия решений — наоборот было в дефиците.

Что, впрочем, вполне присуще большинству молодых людей, только-только оперившихся и вставших на крыло.

— Мы тащимся, как улитки! — воскликнула она с возмущением.

Капризные каштановые пряди снова выпали из хвоста и упали ей на лицо. Раздражённо убирая их за уши, она продолжила:

— Я уверена — здесь можно срезать, — сказала она и потянулась руками к креплению одрадека на плече отца.

— Только представь, — мечтательно и даже по-детски улыбнулась она, — новую тропу могут назвать нашим именем.

Отец отрицательно покачал головой, но Тэсс продолжала настаивать:

— Мы получим бонус за сокращение времени доставки и...

— Нет, мы идём проверенной тропой, — отрезал отец, одёрнув руки девочки от креплений устройства.

Вероятно, гораздо резче, чем планировал.

Инициативность дочери радовала отцовское сердце, но всё же она была так мала, так неопытна и наивна. Он не хотел рисковать.

В каких-то вещах люди не хотят признаваться даже самим себе — но глубоко внутри себя он понимал, что так и не пережил гибели жены. Подобные травмы наносят душе такой же непоправимый вред — какой темпоральная жидкость наносит телу, хотя бы единожды его коснувшись. Даже самая мимолётная мысль о потере дочери, ставшей для него един-

ственной ценностью в этом мире, ужасно пугала его.

Он постоянно разрывался между желанием подготовить её — закалить. Открыть её глаза на суровость и жестокость этого мира. И в то же время не мог решиться позволить ей быть самостоятельной. Признать тот факт, что она уже не та малышка, которую он когда-то, взяв за руку, увёл из дома.

Лицо Тэсс исказила гримаса.

Заметив это, он мгновенно пожалел о своей нечаянной грубости:

— Дочь, я же не могу подвергать тебя опасности ради пары бонусов от «Бриджес».

Но было уже поздно.

— Ты вечно опекаешь меня, словно младенца — взорвалась она.

Её голос дрогнул, щёки порозовели, а глаза предательски заблестели. К горлу подкатил комок из обиды и подростковой ярости.

Опять. Опять он не воспринимает её всерьёз. Столько лет она таскается с ним, словно брелок на рюкзаке. Ни друзей. Ни дома. Только дорога. И навязанное чувство долга.

— Я занимаюсь этим дольше, чем большинство — она сама не заметила, как перешла на крик.

Сердце колотилось, как бешеное. Слезы застили глаза.

Отец остановился и тяжело вздохнул. Его лицо казалось непроницаемым, но неуловимо потемнело. Он не привык показывать чувства: радость — это или печаль — его лицо

имело одинаково мрачноватый вид, по которому невозможно было угадать: доволен он или несчастлив.

Тени в морщинах стали глубже, а уголки сжатых губ опустились вниз. Вес рюкзака внезапно навалился на него и нещадно давил на плечи.

— Я знаю и видела больше многих взрослых курьеров — не унималась Тэсс, задыхаясь от гнева — не в силах остановиться.

— Ты сам всему меня обучил. Я давно не маленькая девочка.

Отец молчал.

— Я перевязывала твои раны, страдала от жажды и голода — и я никогда не жаловалась. Ты несправедлив ко мне — кричала она.

— Ты даже не можешь поговорить со мной. Мы ничего не обсуждаем.

Не первый раз отец отказывал дочери не только в инициативах, но и в простом разговоре по душам.

Особенно — о матери.

Прошло несколько лет, и в памяти дочери её образ растворялся, словно утренний туман. Воспоминания о том времени, когда они были вместе, таяли под грузом новых впечатлений. Тем не менее рана не заживала. Боль опустилась из сердца куда-то в живот и засела там, обрастая тугой оболочкой из подавленных чувств.

Повисла пауза.

Глубоко дыша, девочка с надеждой смотрела на отца — но он отводил глаза.

Слёзы, вперемишку с потом, катились по её лицу, разъедая обожжённую солнцем, кожу.

— Ты закончила? — наконец прервал молчание он.

Тихий, хриплый голос обрушился на неё, словно снежная лавина. Внутри всё задрожало.

— Или мне развернуть тебя и отправить обратно в Распределитель? — избегая взгляда дочери, сказал он.

Холодный.

Бесчувственный.

— Люди ждут свои лекарства, пока мы тут выясняем отношения.

Отец любил дочь — как умел. Но ещё он был идеалистом. Видел смысл в самоотверженном служении чужим интересам.

Он верил, что спасает мир — как может.

Или это была маска? Добровольный побег от себя и своих страхов.

Тэсс не хотела возвращаться в Распределитель. Сжав зубы, ей пришлось собрать всю волю в кулак и подчиниться. Шмыгнув носом, она вытерла тыльной стороной перчатки слёзы и пот, молча развернулась к отцу спиной и поплелась вверх по тропе.

Пока яркий солнечный диск не закатился за горизонт, они шли молча — каждый, не проронив ни слова.

Сумерки сменились светлой звёздной ночью, и они, наконец, остановились на привал.

Несмотря на то, что путь занял весь день, в действительности было пройдено чуть меньше его половины. Тем не менее прогноз погоды оставался благоприятным: темпоральных дождей не должно быть в ближайшие несколько дней — значит, ничто не препятствовало дальнейшему пути.

Если и далее следовать тропе, утром их ждал ещё один утомительный переход с постепенным подъёмом вверх — а затем такой же длинный, извилистый спуск к озеру.

Сняв с себя груз и снаряжение, отец устроился на спальном мешке, опершись спиной о ствол дерева. Он достаточно быстро задремал: видимо, сказывались возраст и усталость.

Тэсс же, напротив, никак не могла уснуть.

Разгоревшийся днём костёр никак не затухал, а продолжал тлеть в груди, лишая её сна и отдыха.

Она злилась. А злость, как известно, — словно керосин для опрометчивых поступков.

Корни деревьев упирались в рёбра, не давая удобно устроиться. Она ворочалась — а в голове всё зудело: *«Он в меня не верит»*.

Так прошла большая часть ночи. Заря ещё не занялась, когда за пару часов до рассвета родилась **та самая** идея — из тех, что не сулят ничего хорошего.

Бесшумно поднявшись со своего места, Тэсс вскинула на

плечи рюкзак и тихо покинула лагерь. Предрассветная тишина звенела, словно натянутая струна, — но отец крепко спал и ничего не услышал.

Первые шаги были настолько волнительными, что ноги не слушались — казались словно чужими. Адреналин, стучавший в ушах, заглушал шум листьев на ветру и хруст веток под ногами. Но чем дальше она уходила, тем увереннее становилась в решении доказать отцу, что заслуживает признания.

Ей больше не нужна его опека, его тотальный контроль — ей даже не нужен **одрадек**, — чтобы срезать путь и прийти в пункт назначения раньше отца. Только компас. А навыков у неё и так достаточно.

Чувствуя невероятное воодушевление и опьяняющую свободу, за пару часов она продвинулась вперёд значительно дальше, чем за весь предыдущий день.

Продираясь через густые заросли папоротника и дикой малины, оцарапав лицо и руки, взбираясь по скользким от росы, поросшим лишайником камням, — она, наконец, добралась до самой высокой точки хребта.

Стоя на вершине и тяжело дыша, Тэсс с восторгом оглядела простилавшийся под ней ковёр из смешанного леса — так, будто это были её личные владения.

Она чувствовала торжество, словно уже победила в своём выдуманном соревновании.

Она здесь — наверху. А он — там: спит, ничего не подо-

зревая. Глупый старик.

Сделав пару жадных глотков из фляги, Тэсс поразмыслила и решила, что спуск в таком темпе, вероятно, пройдёт ещё быстрее, чем она рассчитывала.

Поправив ремни рюкзака, она решительно продолжила свой путь.

Была тому виной бессонная ночь, неосторожность или простая случайность — но в какой-то момент удача, неверная и ветреная подруга, вмиг растворилась, будто её и не было.

Мгновение.

Неверный шаг.

Камень, подвернувшийся под ботинок.

Неожиданно Тэсс поскользнулась и рухнула навзничь, стремительно покотившись вниз по скале, увлекая за собой россыпь мелких камешков.

Оглушительный скрежет металлических кейсов груза за спиной прорезал тишину.

Судорожно впиваясь пальцами в поверхность, она отчаянно пыталась затормозить — но это оказалось невозможно.

Падение длилось какие-то несколько секунд, показавшихся вечностью. Но в какой-то момент оно остановилось — также внезапно, как и началось.

Тэсс оказалась на земле, в тумане из поднявшейся песчаной пыли.

Множественные ушибы саднили — особенно поясницу и ягодицы, на которые пришёлся основной удар. Но это мелочи — главное, жива.

С трудом откашлявшись, она уже было хотела подняться, как в ту же секунду её пронзило новое, ранее не знакомое чувство.

Это было что-то необычное, трудно объяснимое: густая смесь навязчивой тревоги и интуитивного чувства приближающейся опасности.

Звуки вокруг словно выключились.

Пространство сузилось и потемнело.

А чувства: слух, обоняние, осязание — невероятно обострились.

Возникло ощущение, будто температура резко упала на несколько градусов. Вокруг запахло сыростью, а на землю опустились неестественные сумерки.

Кажется, даже волосы на теле встали дыбом.

Какой-то врождённый животный инстинкт заставил её затаиться.

Не отдавая себе отчёта в том, что именно происходит, она огляделась.

Поначалу различить что-либо, кроме силуэтов деревьев было невозможно — ничто в окружающей действительности не кричало об опасности.

Но инстинкт не обманешь.

В нескольких шагах от неё, откуда-то из-под земли, рож-

далась тонкая мерцающая нить. Будто движимая лёгким ветром, она колебалась, виляла между деревьев, но неизменно тянулась, словно пуповина, к тёмной призрачной фигуре на её конце.

Страх ядовитым остриём пронзил живот — и она, вновь неосознанно следуя инстинкту, задержала дыхание.

Тварь.

Это определённо была **Тварь** — опаснейшее существо из потустороннего мира.

Тэсс слышала о них от отца, но лишь обрывки информации вперемешку с суевериями.

Они каким-то образом проникли в наш мир после катаклизма — и остались здесь навсегда. То ли неупокоенные души — то ли нечто совсем иное, тёмное. Никто не знал точно.

Но одно было известно: Тварей и зоны, где они обитают, следовало избегать любыми мыслимыми и немыслимыми способами. Встреча с ними не сулила ничего, кроме смерти.

Девушка с ужасом смотрела на парящую чёрную фигуру, отдалённо напоминающую человека, но с неестественными пропорциями и без лица.

Тогда она ещё не знала, что обычно человек **не чувствует** и, тем более, **не видит** их.

Она **могла**.

У неё был «ДУМ». Редкий дар, о котором в то время было ещё мало известно.

И даже среди его обладателей мало кто мог не просто ощущать Тварей, чувствовать их приближение — а **именно видеть**, так, как она видела их.

К несчастью, грохот, созданный падением, всё-таки привлёк внимание существа.

Со стороны могло показаться, что призрачная фигура хатично и слепо блуждает по воздуху, — но это было обманчиво.

Охота началась.

Да. У неё не было лица, не было глаз и ушей.

Но она чувствовала.

Боясь пошевелиться, Тэсс нервно вглядывалась в пространство, пытаюсь понять, как выбраться из западни, в которую угодила.

И следующее открытие не прибавило ей оптимизма: Тварь была не одна — в сумраке переплетались и мерцали три или четыре пуповины.

Словно железным корсетом, грудь девушки сдавливал страх.

Отчаянно вжимаясь спиной в неровную поверхность земли, на которой так и лежала, она вдруг почувствовала себя такой маленькой и беззащитной перед лицом монстра.

Отец наверняка уже обнаружил её пропажу, но шансы, что он сможет прийти на помощь — а придя, не погибнет вместе с ней, — были невелики.

В это время Тварь, среагировавшая на шум, всё скользила

между деревьев, ближе и ближе подбираясь к тому месту, где, оцепеневшая от страха, находилась её жертва.

Стало окончательно ясно: если продолжать медлить, контакта не избежать.

Снова собрав всю волю в кулак, Тэсс с трудом, но настолько тихо, насколько возможно, поднялась на ноги.

Глядя прямо на угрозу в нескольких шагах от себя, она лихорадочно думала, куда ей бежать, — как вдруг услышала едва уловимый, но отчётливый в напряженной тишине шорох веток.

Резко повернув голову, она, к своему недоумению, обнаружила бледное мальчишеское лицо среди густо растущей поросли дикого шиповника.

Большие серые глаза строго глядели на неё из-под сдвинутых бровей — без страха, без растерянности.

Кивнув в сторону Тварей, парень дал понять: он знает, что происходит.

Прижав указательный палец левой руки к тонким губам, другой рукой он слегка поманил Тэсс к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.